

Судя по годовому отчёту за 1935/1936 бюджетный год, временным решением для управления сельским хозяйством для воеводской палаты стали отраслевые объединения. Например, союзы коневодов, овцеводов и др. общественные организации уже имели свою собственную, организованную иерархию, которую не надо было устанавливать и навязывать населению. Через готовую систему можно было управлять конкретными направлениями хозяйственной деятельности на всех уровнях: на воеводском, на поветовом и на уровне отдельных деревенских кружков [9, л. 5].

В целом, увеличение количественного состава своего персонала и решение проблем с контролем со временем позволили Полесской сельскохозяйственной палате расширять свою деятельность в уже знакомых направлениях, а также находить новые области для работы, что дало исторической науке разнообразные данные по крестьянским хозяйствам. Например, инспекции в 1935/1936 году не только проверили организацию молочных хозяйств, но и провели анализ продукции, выделили самые продуктивные породы коров по параметрам общего надоя и жирности молока [9, л. 15].

Источники и литература

1. Ustawa z dnia 24 czerwca 1925 roku o Śląskiej Izbie Rolniczej. Dziennik Ustaw Śląskich. – 1925, Rocznik 4. – Nr. 10.

2. Obwieszczenie Ministra Rolnictwa i Reform Rolnych z dnia 22 listopada 1932 r. w sprawie ogłoszenia jednolitego tekstu rozporządzenia Prezydenta Rzeczypospolitej o izbach rolniczych. – URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19330020016> (data dostępu: 15.03.2026).

3. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБрО). – Ф. 383. Оп. 1. Д. 16.

4. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 4.

5. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 2.

6. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 7.

7. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 10.

8. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 8.

9. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 17.

УДК 930(48+59):94(476)«1939»

Д. М. Толочко

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ПОЛЬШИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В работе исследуется беженская проблематика на территории Беларуси осенью 1939 г. в советской и современной отечественной историографии. Автор приходит к выводу, что проблема беженцев из Польши на территории БССР длительное время не являлась самостоятельным объектом научного исследования. Только с начала 1990-х гг. в изучении данной проблемы произошёл заметный поворот, связанный с расширением источниковой базы и введением в научный оборот ранее закрытых архивных материалов.

Советская историография подходила к исследованию вопроса о беженцах из Польши в БССР весьма поверхностно, не заостряя на нём достаточного внимания. Наибольший интерес для советских историков представляли, прежде всего, вопросы борьбы населения Западной Беларуси за своё освобождение и воссоединение с БССР,

социально-экономические преобразования, партийное строительство в регионе в сентябре 1939 – июне 1941 гг. Проблема беженцев рассматривалась в работах советских историков только в связи с мероприятиями по ликвидации в крае безработицы. Например, И. О. Царюк в своей монографии «В братском союзе: социалистические преобразования экономики в западных областях БССР, сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.» всего лишь упомянула, что «в западных областях в наследство от буржуазно-помещичьей Польши осталась огромная армия безработных, число беженцев превышало 60 тыс. Обкомы партии ставили задачи по размещению и трудоустройству беженцев и созданию в этих целях областных комиссий по размещению беженцев и предоставлению им работы» [1].

Подобную констатацию фактов относительно мероприятий советского руководства по трудоустройству и размещению беженцев и местных безработных можно встретить и в других работах изучаемого периода. Общей составляющей указанных публикаций является тот факт, что в них подчёркивается успешный характер проведённых мероприятий. Например, в 3 томе издания «История рабочего класса Белорусской ССР» было отмечено: «Трудоустройству беженцев и безработных способствовало начавшееся активное строительство и благоустройство сёл и городов западных областей, восстановление и строительство новых промышленных предприятий. Кроме того, в течение месяца специально созданная комиссия трудоустроила около 22 тыс. беженцев на предприятиях Минска, Витебска, Гомеля и других городов. Принятые меры позволили временным органам власти в течение 2–3 месяцев ликвидировать безработицу» [2]. Однако, согласно современным исследованиям, проблема безработицы среди беженцев в западном регионе Беларуси сохраняла свою актуальность вплоть до июня 1941 г.

Условным рубежом в изучении проблемы беженцев из Польши в БССР стало начало 90-х гг. Это было связано с тем, что отечественные исследователи получили возможность изучить ранее недоступные архивные материалы бывших партийных органов России, Беларуси и органов госбезопасности и др.

В публикациях М. Ф. Шумейко, А. Ф. Хацкевича, А. А. Ковалени и других исследователей, подготовленных на основе тщательного анализа документов Национального архива Республики Беларусь, значительное внимание уделено проблеме переселения беженцев вглубь Советского Союза летом 1940 г. В научный оборот были введены ранее малоизученные источники, прежде всего спецдонесения НКВД БССР, направлявшиеся высшим партийным органам республики и отражавшие как официальную позицию властей, так и реальную ситуацию на местах.

Авторы подробно рассмотрели причины принятия решения о переселении, связывая его с обострением международной обстановки, усилением контроля над приграничными территориями и стремлением советского руководства минимизировать потенциальные угрозы в условиях нарастающей военно-политической напряжённости. В их работах прослеживаются основные этапы переселенческой кампании: подготовительный период, формирование списков подлежащих высылке, организационные мероприятия по транспортировке и размещению беженцев в восточных регионах СССР.

Особое внимание уделено численному и социальному составу переселяемых, включая анализ их профессиональной принадлежности, имущественного положения, национального и возрастного состава. Исследователи также затронули вопросы правового оформления переселения, роли местных органов власти и структур государственной безопасности. Тем самым данные публикации существенно расширили представления о масштабах и характере переселенческих процессов 1940 г., способствуя более комплексному осмыслению политики советского государства в отношении беженцев в предвоенный период [3; 4].

Вопросы, связанные с деятельностью советских органов власти по размещению и трудоустройству беженцев из Польши на территории БССР, а также проблемы их социальной, экономической и правовой адаптации в условиях советской политической системы

получили отражение в публикациях Э. Г. Иоффе, А. М. Кротова, Д. М. Толочко [5; 6; 7]. Исследователи рассматривают данные процессы в контексте трансформации западнобелорусских земель после их включения в состав СССР, уделяя внимание как нормативно-правовой базе принимаемых решений, так и практическим механизмам их реализации на местах.

В работах анализируются меры, предпринимаемые республиканскими и местными органами власти по распределению прибывших беженцев, их учёту, направлению на промышленные предприятия, в колхозы и совхозы, а также сложности, возникавшие при обеспечении их жильём и продовольствием. Отдельное внимание уделяется проблемам интеграции беженцев в советское общество: вопросам получения гражданства, включения в систему трудовых отношений, взаимодействия с партийными и административными структурами. Авторы также подчёркивают противоречивый характер адаптационных процессов, обусловленный различиями в социальном опыте, правовой культуре и политических установках беженцев, сформированных в довоенной Польше, и требованиями советской системы.

Размещение и трудоустройство беженцев в западных областях республики, изучение их количественного, национального и социального состава получили освещение в работах Э. Г. Иоффе, Е. А. Розенблата, М. С. Бодак [8; 9; 10]. Исследователи, опираясь на широкий круг архивных источников, рассматривают механизмы распределения прибывших беженцев по районам, особенности их вовлечения в промышленное производство, сельское хозяйство и сферу обслуживания. В научных публикациях подробно анализируется численность беженцев, динамика её изменения, территориальные особенности расселения, а также национальный состав данной группы населения. Особое внимание уделяется социальным характеристикам, профессиональной структуре, уровню образования, имущественному положению, что позволяет выявить степень их адаптации к новым условиям и определить роль беженцев в социально-экономической жизни западных областей. Кроме того, авторы затрагивают вопросы взаимодействия беженцев с местными органами власти, проблемы материально-бытового обеспечения, сложности трудоустройства и интеграции в советскую систему хозяйствования.

Влияние беженской проблематики на советско-германские отношения в период с сентября 1939 г. по июнь 1940 г. рассматривается в публикациях С. В. Талеронка, А. Ф. Великого, В. Е. Снапковского [11; 12; 13]. Авторы рассматривают данный вопрос в контексте трансформации международной обстановки после подписания договора о ненападении. Беженская проблема выступала не только гуманитарным, но и важным дипломатическим фактором, оказывавшим непосредственное влияние на характер взаимодействия между СССР и Германией. Значительное внимание исследователи уделяют переговорам по беженской проблематике, проходившим в Москве в октябре 1939 г., в ходе которых обсуждался порядок переселения различных категорий населения. Итогом переговорного процесса стало создание советско-германской комиссии по переселению, призванной координировать практическую реализацию достигнутых договорённостей. В публикациях подробно рассматриваются основные этапы деятельности советско-германской комиссии: организационный период, формирование списков и проверка переселенцев, переселение населения.

Таким образом, анализ историографии показывает, что в советский период проблема беженцев из Польши на территории БССР не являлась самостоятельным объектом научного исследования и рассматривалась преимущественно фрагментарно – в контексте социально-экономических преобразований, ликвидации безработицы и процессов интеграции региона в состав БССР. Существенные изменения в изучении данной темы произошли в начале 1990-х гг., когда открытие ранее закрытых архивных фондов позволило исследователям значительно расширить источниковую базу. Современные работы характеризуются более комплексным подходом к проблеме, включающим анализ механизмов размещения и трудоустройства беженцев, их социально-демографических характеристик

и особенностей адаптации в условиях советской системы. Кроме того, в новейших исследованиях беженская проблематика рассматривается не только в социально-экономическом, но и в международно-политическом контексте, в частности в связи с советско-германскими отношениями 1939–1940 гг.

Источники и литература

1. Царюк, И. О. В братском союзе: социалистические преобразования экономики в западных областях БССР, сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. / И. О. Царюк. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 104 с.

2. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4 т. / редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1984–1986. –Т. 3 : Рабочий класс БССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1960). – 1985. – 485 с.

3. Шумейка, М. Зранку была вайна (пярэдадзень і пачатак Вялікай Айчыннай вайны ў святле малавывучаных дакументаў) / М. Шумейка // Звезда. – 1990. – 24 чэрвеня. – С. 3. ; Шумейка, М. Уз’яднанне: верасень 1939 г. у лёсе беларускага народа / М. Шумейка // Актуальныя пытанні па гісторыі БССР (сав. перыяд): дапам. для настаўнікаў і вучняў ст. кл. / В. М. Фамін [и др.]; пад. рэд. У. Н. Сідарцова. – Мінск, 1991. – С. 104–110.

4. Коваленя, А. А. Национально-демографические процессы в Беларуси (1939–1941 гг.) / А. А. Коваленя, А. Н. Мацко // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі: зб. навук. арт. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, Фонд фундам. даслед. Рэсп. Беларусь; навук. рэд. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1998. – С. 30–56.

5. Иофе, Э. Яўрэйскія бежанцы з Польшчы на тэрыторыі Беларусі ў 1939–1941 гг. / Э. Иофе // Беларусь у XX стагоддзі: зб. навук. прац / Міжнар. гум. ін-т; навук. рэд. В.П. Андреев. – Минск; Томск: «Водолей», 2003. – С. 106–111.

6. Кротаў, А. М. «Подых навалыніцы»: Польскія бежанцы на Гомельшчыне восенню 1939 г. / А. М. Кротаў // Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне: матэрыялы рэспуб. навук.-практыч. канф., прысвеч. 60-годдзю Вялікай Перамогі, Гомель, 7–8 красавіка 2005 г. / Гомельскі дзярж. ун-т; рэдкал.: В. А. Міхедзька [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2005. – С. 242–248.

7. Толочко, Д. М. Проблема адаптации беженцев из Польши в БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) / Д. М. Толочко // Научные труды Республиканского института высшей школы – 2013. – Вып. 13, ч. 1. – С. 333–340.

8. Иоффе, Э. Еврейские беженцы из Польши в начальный период войны (1939–1940 гг.) / Э. Иоффе // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў: матэрыялы Міжнар. навук. семінара, Мінск, 1 верасня 2003 г. / адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск : НАРБ, 2004. – С. 27–31.

9. Розенблат, Е. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Е. А. Розенблат, И. Еленская // Диаспоры. – 2002. – № 4. – С. 27–52.

10. Бодак, М. С. Деятельность Временного управления г. Кобрин и Кобринского уезда в сентябре – октябре 1939 г. / М. С. Бодак // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі: матэрыялы Міжнар. навук. – практ. канф., Брэст, 23–24 красавіка 1998 г.: у 2 ч. / Брэсцкі дзярж. ун-т; рэдкал.: С.В. Арцёменка [і інш.]. – Брэст, 1998. – Ч. 2. – С. 185–190.

11. Вялікі, А. Ф. Савецка-германскі пратакол аб перасяленні насельніцтва ад 28 верасня 1939 г. і яго выкананне ў Беларусі ў 1939–1940 гг. / А. Ф. Вялікі // Весці БДПУ. – 2006. – №3. – Сер. 2. – С. 15–18.

12. Таляронак, С. Да пытання аб перасяленні заходніх беларусаў з акупаванай нацыстамі Польшчы ў кантэксте савецка – германскіх адносін (восень 1939 г.) / С. Таляронак // Беларусіка = ALBARUTHENICA. Беларуска – нямецкае грамадска – культурнае

ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Мінск, 29–30 кастр. 1996 г. / Цэнтр імя Ф.Скарыны.; рэд. Л. Кулажанка, А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Цэнтр імя Ф. Скарыны, 1996. – С. 50–52.

13. Снапкоўскі, У. Е. Беларусь у геапалітыцы і дыпламатыі перыяду Другой сусветнай вайны / У. Е. Снапкоўскі // Беларускі журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. – 2000. – № 2. – С. 45–54.

УДК 94:327(520)«193-1941»

С. Н. Рожкова, С. Н. Старосотников
Гомельскі дзяржаўны
універсітэт імя Ф. Скарыны

ПОДГОТОВКА ЯПОНИИ К ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

В данной статье рассматриваются причины вступления Японии в войну на Тихом океане, а также подготовительные мероприятия японских вооруженных сил накануне конфликта. Освещены: влияние милитаристской идеологии; последствия нефтяного эмбарго США (август 1941 г.); стратегическое планирование захвата Юго-Восточной Азии. Особое внимание уделено роли адмирала Ямато и подготовке нападения на Перл-Харбор, а также анализу боевого потенциала и системных недостатков японской армии накануне декабря 1941 года.

В первой половине XX века, вплоть до поражения во Второй мировой войне, Японская империя была очень милитаризированной державой, которая активно развивала вооруженные силы. Японские войска имели богатый боевой опыт, полученный в ходе русско-японской войны и затянувшейся японо-китайской войны, а также в результате столкновения с советскими войсками в так называемых советско-японских пограничных конфликтах. Эти конфликты инициировались влиятельной военной верхушкой, окружавшей императора. Они продвигали шовинистические идеи, как например Хакко Итию (восемь углов мира под одной крышей) – идею о захвате Восточной Азии и создании сферы сопроцветания под лидерством Японии.

В японских вооруженных силах существовало заметное разделение на сухопутные войска и военно-морской флот. Эти структуры имели отдельные командные центры и часто соперничали между собой.

Японский флот был ограничен Вашингтонским морским соглашением 1922 года. Однако японцы нашли выход из этой ситуации и стали развивать новый тип кораблей, который не был прописан в соглашении – авианосцы. Империя приступила к строительству авианосцев типа «Секаку» водоизмещением 30 000 т и скоростью хода до 30 узлов, а также начала испытания подходящих типов самолетов для действий с них. Крупные державы того времени считали авианосцы лишь вспомогательными кораблями, в отличие от японцев, которые сделали авианосные группы костяком флота.

После начальных побед Германского рейха в Европе союзная Япония провела оккупацию французского Индокитая с целью усиления давления на Китай. Этот шаг Японии сильно осложнил и без того непростые переговоры с США. После публикации 26 июля текста соглашения о совместной обороне между Японией и французскими колониальными властями в Индокитае, Великобритания и США заявили о замораживании японских капиталов. Одновременно Великобритания денонсировала англо-японский торговый договор 1911 г., японо-индийский торговый договор 1934 г. и японо-бирманский торговый договор 1937 г. 1 августа Соединенные Штаты ввели запрет на экспорт в Японию всех товаров, прежде всего нефти, за исключением хлопка и продовольствия. Япония оказалась в очень трудном положении. Командование флотом заявило, что если не удастся обеспечить Японию нефтью, то менее, чем через два года военно-морской флот будет парализован [1, с. 397].